

Альтернативная реальность

Сергей Журавлев
Андрей Селюхов

Ниже -
только вверх

Роман

Книга первая
Гремучая смесь

Санкт-Петербург

ЛЮМЭН
2012

**ББК 84(Рус-Рос)
Ж91**

Разработка серийного оформления художника Г.Невинчанной
Фото на обложке Ольги Жени

Журавлев С.А., Селюхов А.А.

Ж91 Ниже — только вверх. Кн. 1. Гремучая смесь.

Роман. — С-Пб. — Изд-во «Люмэн», 2012. — 288 с.

(серия «Альтернативная реальность»)

ISBN 978-5-905590-03-0

Роман открывает серию многоплановых остросюжетных социально-философских произведений.

Главный герой достиг материального благополучия, используя совокупность качеств, присущих предприимчивым людям. Но такой не карманный герой не по вкусу многим, потому что он мыслит не так, как им хочется, — мыслит свободно. Преуспевающий бизнесмен уличен в трафике наркотиков, арестован и закрыт в СИЗО. Подставив, как пешку в крупной игре, злоумышленники не сомневаются даже в его смерти. Но ему удалось невозможное — вместе с горсткой честных людей вырваться из преисподней.

Для широкого круга ценителей остросюжетной литературы.

Все персонажи романа вымышлены, совпадение или сходство их имен с именами реальных людей случайны.

ББК 84(Рус-Рос)

© Издательство «Люмэн», 2012

© Г.Невинчанная, 2012

Пролог

Человек сидел на кухне и вспоминал все произошедшее с ним за последние двадцать лет. Одно событие перевесило все остальные. Пришло время сделать свой выбор. Блюдо под именем «Мечь», готовившееся так долго, остыло. Пора приступать к трапезе.

Человек позвонил по телефону и сказал:

– Он выехал. Начинайте...

Для явления чуда гармонии подлинному художнику достаточно единственной линии

Прилетев в аэропорт, он прошел таможеню по зеленой линии и подумал: «До сих пор не могу привыкнуть к пересечению границы. И пусть ее не видно, но внутреннее напряжение сказывается. Ну, да ладно. Сейчас сяду в свою «Ауди R8» и через полчаса буду дома. Горящий камин, глоточек «Мартеля» и верный пес у ног. Прислуга предупреждена о приезде. Завтра лично узнаю, кто или что прервало мой отдых».

А в это время на крытом паркинге для VIP-клиентов, возле спортивной машины, стояли два человека и внимательно наблюдали за респектабельным мужчиной, вышедшим из здания аэропорта. При ярком искусственном освещении они могли рассмотреть мельчайшие детали его облика. Человек, которого они ждали, выглядел очень стильно. Над воротником его белого кашемирового пальто виднелась черная полоска пиджака, а над ней, особо изящно, как пришитый, красовался ворот белоснежной рубашки, стянутый лиловым гал-

стуком. Ровные, без единой складочки брюки темно-синего, а вернее, цвета вороньего крыла опускались на черные, сверкающие зеркальным блеском туфли. Лицо соответствовало костюму: смуглое от приобретенного под южным солнцем загара, чисто выбритое, с правильным носом и четко очерченными губами. Под шляпой «Трилби», опоясанной лентой в цвет галстука, виднелся безукоризненно подобранный затылок. Шикарный вид мужчины был насмешкой над наблюдателями, и только профессионализм вынуждал их столь детально изучать объект. Этот человек полностью подходил под описание.

Двое у машины переглянулись: именно его они и ждали.

– Господин Саенко? Феликс Сергеевич? – спросил человек похожий на инопланетянина.

– Да. Это я. А с кем имею честь?

– Младший советник юстиции Следственного комитета Российской Федерации Глыздин Александр Петрович. Вот мое удостоверение, – «инопланетянин» показал документ.

Внешность он имел действительно забавную. Вытянутая лысая голова с тонкими торчащими ушками и двумя дырочками для газообмена вместо носа, переходящая в тонкую шею, делала его похожим на лампочку ватт на пятьсот, освещающую подземный переход. Если бы его широко посаженные глаза располагались не горизонтально, а вразлет, сходство с киношным пришельцем было бы абсолютным. Такого раз увидел – не забудешь никогда.

– Это мой коллега, юрист первого класса Анишин Вадим Валерьевич, – представил «инопланетянин».

*Двое у машины переглянулись; именно его они и ждали.
– Господин Саенко? Феликс Сергеевич? – спросил человек,
похожий на инопланетянина.*

Второй тип был совершенной противоположностью первому. Ушей не видно вовсе, одни щеки и сразу плечи. Ротик для такой огромной хари слишком маленький, а нос явно сломан, потому что заваливался влево. Маленькие глазки были разные: один горизонтальный, второй повернут краем вверх. Физиономия имела выражение задумчивости, но при этом не вызывала доверия.

– Вы должны проехать с нами. Есть несколько вопросов, которые мы хотели бы решить с вашей помощью.

– Я задержан?

– Нет, что вы, Феликс Сергеевич! Это обычная беседа. Вы не откажете работникам Следственного комитета в такой малости? Мы на машине, и буквально через час вас доставят в указанное вами место.

Господа были столь убедительны и вежливы, что отказать им было сложно. Разумеется, важную роль сыграла генетическая память последних поколений. В подобных ситуациях логика оказывается бессильной перед таким аргументом, как удостоверение советника юстиции целого Следственного комитета.

«Что вызвало ко мне интерес государевых людей? – недоумевал Саенко, ведя мысленный диалог с самим собой. – К власти лоялен. Даже в их партию вступил – прости, Господи, за эту слабость. Налоги уплачены, насколько позволяют страх и самолюбие. Куда делись лоск, уверенность за три минуты вежливой беседы с «опричниками»? Взять бы да сказать: «Господа, я не расположен беседовать о погоде. И если у вас нет ордера на задержание, позвольте мне продолжить заниматься своим делом.»

Приходите с ордером – тогда с удовольствием с вами пообщаюсь». Мог сказать, но ведь не сказал! Показали «корочки», в мозгу щелкнул внутренний выключатель, и сразу застыл как кролик перед удавом. Даже не дернулся. Молча сел и поехал. Никакое богатство не смогло выдавить во мне раба... Может, к лучшему, что жена решила задержаться?»

Как в памяти минувшего, так и в предвидении будущего, настоящее теряет ценность

Машина остановилась.

«Ага, приехали», – сообразил задержанный.

– Феликс Сергеевич, не утомились? Ответите на пару вопросов, и мы освободим вас от общения с нами. Прошу. Заходите. Вас ждут.

В кабинете его встретил добродушный лысоватый дядюшка с умнейшими глазами. Он был похож на старого волшебника. Казалось, сейчас наденет колпак звездочета, обнимет и скажет: «Феликс! Здорово мы тебя разыграли?! Расслабься, ты в России!» Но вместо этого услышал:

– Вы гражданин Саенко Феликс Сергеевич?

– Да, – уверенно ответил прибывший.

– Родились 27 октября 1966 года в городе Луганске?

– Именно там.

– Добрый вечер. Меня зовут Дмитрий Дмитриевич. Я советник юстиции. Ознакомьтесь вот с этим документом. Да вы не стесняйтесь. Присаживайтесь.

И если поначалу вид «звездочета» вселял надежду, что задержание ошибочно, то бумаги, переданные для ознакомления, ввели его в ступор. В них

значилось: «28 января в 19 часов 45 минут, во время прохождения автомобильного пункта пропуска МАПП Крупец – Рыльск, был проведен досмотр автомобиля, принадлежащего фирме ЗАО «Евро-РосЛТД», который перевозил восемнадцать тонн электронных сигарет. В одном из ящиков обнаружено три килограмма вещества белого цвета. В результате проведенной экспертизы данное вещество идентифицировано как кокаин высокого качества. Автомобиль и груз арестованы. Люди, сопровождающие груз, задержаны».

– Как вам такая информация? – поинтересовался человек, сидевший под портретами гарантов.

– Фирма входит в мой консорциум, – после минутного замешательства промолвил Саенко. – Мы действительно начали поставку электронных сигарет из Голландии. Но при чем здесь кокаин? При чем здесь я?

– Феликс Сергеевич, именно для того, чтобы получить ответ на этот вопрос, мы и пригласили вас сюда. Дело в том, что задержанный нами экспедитор в ходе допроса показал, что один из ящиков с сигаретами он должен был доставить к вам домой. И что удивительно, именно в этом ящике и было обнаружено три килограмма кокаина. Возбуждено уголовное дело по статье 228 УК РФ за распространение наркотических средств в особо крупных размерах. И, увы, мы вынуждены задержать вас как подозреваемого в организации наркотрафика. Вот постановление. Можете сделать звонок и пригласить на завтра своего адвоката.

– Вы что, сдурели?! Это одна из моих многочисленных фирм. Я не могу отвечать за действия всех своих сотрудников!

– Гражданин Саенко! Не усугубляйте своего положения. Делайте положенные вам звонки. Допрашивать вас после двадцати двух не имею права, а сейчас именно двадцать два. Так что расстаюсь с вами до завтрашнего утра. После звонка вас отведут в камеру предварительного заключения, а уж потом отправят в СИЗО, где вы задержитесь до завершения следствия. Кстати, постановление суда о вашем аресте имеется. Им же принято решение отказать в освобождении под залог. Суд провели заочно. У нашего Комитета есть такое право. Особенно, учитывая тяжесть преступления и то, что его организатор имеет двойное гражданство.

**Личная свобода дается каждому
под его ответственность**

Место Волшебника заняли Глыздин и Анишин. Первый отнял у Феликса айфон, бумажник, документы, ключи от машины, сигареты. В общем, все, что было у него в карманах. Второй дал трубку городского телефона.

– Что же это вы, гражданин Саенко, сами курите, а других на электронные сигареты подсаживаете? Нехорошо лицемерить. Да вы звоните. Нас не задерживайте. Время позднее. Нам нельзя нарушать законы и проводить следственные действия после десяти вечера.

– Я не держу в памяти телефон адвоката! Дайте мой айфон! – потребовал Феликс.

– Не имеем права. Он изъят.

Ему ничего не осталось, как набрать по памяти номер адвоката. Абонент не отвечал. Он набрал снова. И опять тишина.

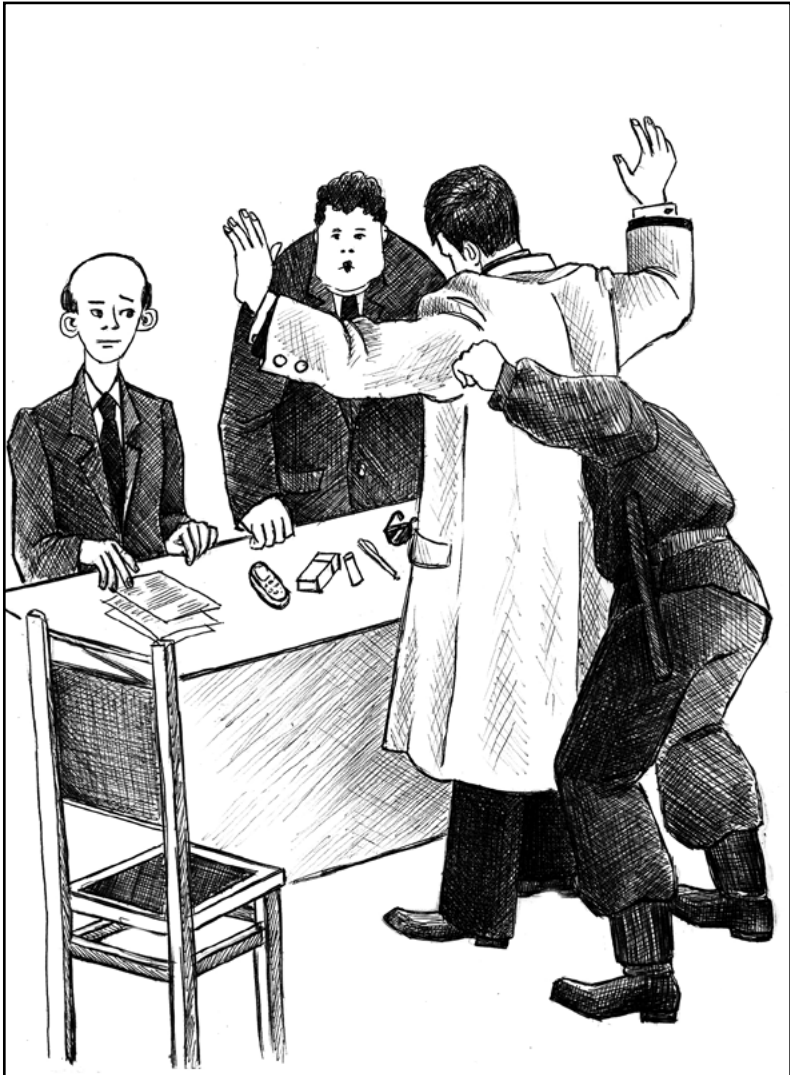
– Гражданин Саенко, вы использовали свое право на телефонный звонок. И по большому счету, нам все равно, будете вы говорить или молчать. Нам не зачем использовать все сказанное вами против вас. Все, что надо сказать против вас, давно сказали другие. Отдайте шнурки и галстук. Пойдемте. Сейчас вам покажут ваши «апартаменты» на сегодня.

Задержанный вынул шнурки и снял галстук. Анишин вышел первым, за ним Феликс. Замыкал, дыша в затылок, Глыздин. Отойдя метров двадцать от кабинета, где Волшебник так резко изменил судьбу успешного бизнесмена, Анишин открыл дверь, а Глыздин втолкнул арестованного внутрь. Дверь захлопнулась. В замке провернулся ключ. Все! Закрыт!

Проведя рукой по стенам, арестант попытался обнаружить выключатель. Не нашел. Зато определил размер комнаты – метр на метр. Меньше конуры для дворняги. А у его курцхаара отдельная комната. Стула тоже нет. Еще час назад он думал о собаке, камине... Размышлял о чем угодно, кроме того, что будет обвинен в торговле наркотиками, арестован и проведет ночь голодный в конуре без шнурков и света. Хотелось надеяться, что это будет единственная ночь в заточении, а завтра он отыграется на этих глыздиных, анишиных и советниках.

«Мне бы ночь отстоять. Именно отстоять, потому что садиться на пол в брюках стоимостью в квартальную зарплату моих тюремщиков не хочется, хотя бы из принципа. К тому же здесь сильно разит мочой», – это были последние горделивые мысли борющегося со сном узника.

Под утро Феликсу было уже все равно, сколько

Место Волшебника заняли Глыздин и Анишин. Первый отнял у Феликса айфон, бумажник, документы, ключи от машины, сигареты. В общем, все, что было у него в карманах. Второй дал трубку городского телефона.

стоили его брюки. Ноги просто отказывались держать тело. Спал сидя, привалившись к стене. В его мозгу, пока еще живущем свободой, всплывали картины прошлого...

Свободный выбор человека не меняет его судьбу

...Он обсуждал со своим товарищем по срочной службе ближайшие выходные. Сегодня товарищ возглавлял одно из лесных хозяйств в Карпатах, площадь которого равна площади Одессы. Зверье там водится всякое, но его интересовал глухарь. Сейчас самое время на него поохотиться.

– Феликс Сергеевич, к вам на встречу пришел эксперт по сигарному табаку из отдела закупок сырья господин Лядвин, – сообщила секретарь по внутренней связи.

– Он что, не мог по телефону со мной связаться?

– Говорит, архиважно. По телефону такое вы сами запретили обсуждать.

– Ладно, впускай.

Вошел Лядвин.

– Добрый день, Феликс Сергеевич.

– Какой же он добрый, коль вы пожаловали?

– Да уж не взыщите. Работа моя такая...

– Ладно. Присаживайтесь и выкладывайте.

– Ситуация требует принятия немедленного решения. Сейчас мы покупаем табак на острове Ява, а новый владелец, папочкин сынок, получивший плантации в наследство, проигрался в Лас-Вегасе и намерен все продать с молотка. Смена владельца может привести к изменению ассортимента или, того хуже, переориентации новых хозяев на других покупателей. Вы же знаете, как долго мы нала-

живали поставки этого элитного табака для сигар «Двойная Корона» и «Черчилль»?!

«Почему бы мне не приобрести эту плантацию, да так, чтобы об этом мало кто знал?» – мелькнуло в голове у бизнесмена, и он поспешил распорядиться: – Предоставьте мне всю имеющуюся информацию по плантации. Немедленно.

– Хорошо, Феликс Сергеевич.

Лядвин вскочил и через пять минут выложил на стол перед своим директором фотографии острова Ява.

«А ведь мне там бывать так и не пришлось, – подумал Феликс не без сожаления и, набрав номер управляющего, заговорил по-английски:

– Добрый день. Как дела, Мигель?

– Более-менее, – ответил человек с сильным испанским акцентом.

– Вы испанец?

– Кубинец.

– Понятно. Вас беспокоит Россия, ваш потребитель табака. Меня зовут Феликс. Что у нас с поставками на этот сезон?

– Я знать русски. Учился Москва. Англиски мой многа плоха, чем русски, – сказал собеседник, и они перешли на русский.

– У нас на плантации скоро произойдет смена хозяина, и я ничего не могу обещать по поводу поставок. Может, и меня сменят.

– Сколько задолжал ваш хозяин?

– Семнадцать миллионов.

– Какова реальная стоимость плантации?

– Если продавать с урожаем, который можно пощупать, миллионов семьдесят. А пока ничего нет, то и за двадцать не купят.

– Мигель, а ты согласился бы стать моим управляющим, если она станет моей?

– Мне нравится эта работа. Я умею ее делать, – убедительно и с расстановкой проговорил кубинец.

– Звони хозяину и говори, что русский готов начать переговоры. Пусть дает мне свой телефон.

– Хорошо, Феликс.

– До свидания, Мигель.

При явной легковесности нуля с ним единица – сразу десять

Янки начал торг с сорока миллионов. Феликс заявил, что пятнадцать готов передать ему хоть сегодня, а за сорок, возможно, купит плантацию осенью, при условии урожая табака. Через час переговоров янки спустил цену до двадцати пяти. Русский стоял на своем. На следующий день, с утра, янки просил двадцать. К обеду сошлись на семнадцать.

Феликс летел на Яву, чтобы оформить сделку и осмотреть свои владения. В аэропорту Нгурах-Рай его встречал управляющий табачной плантации Мигель, худощавый мужчина неопределенного возраста, с упругой кожей и абсолютно седыми волосами.

– Сколько тебе лет, Мигель? – поинтересовался русский.

– Сорок шесть.

– А почему совсем седой?

– Это долгая история, связанная с моей работой на социалистической Кубе.

– Расскажешь как-нибудь?

– Обязательно.

Феликс Саенко переоформил учредительские документы, определив долю Мигеля в двенадцать с половиной процентов, при условии, что он увеличит производительность плантации на двадцать пять. Открыл депозит в банке и подписал дополнительные условия по распоряжению деньгами. Теперь снять поступающие на счет от продажи табака деньги мог только он – новый хозяин и только присутствуя лично. Внешнее сходство, удостоверения личности не имели никакого значения, только живые отпечатки пальчиков, ладошек и фото сетчатки глаз.

Место новому хозяину понравилось безумно, и он решил обязательно сюда наведаться, когда в России будет зима...

**Хозяин собственной судьбы,
как прочий, случаю подвластен**

Настоящее время

– Саенко! Подъем! Выйти из камеры! Лицом к стене! Вперед!

Переполненный мочевой пузырь уже давно не давал Феликсу спать, и поэтому он радостно воспринял и прокомментировал предложение конвоира:

– Если бы мне пришлось провести взаперти еще хотя бы час, к устойчивому здешнему «амбре» добавился бы запах и моей мочи...

Надзиратель никак не отреагировал на его реплику и через пару минут привел задержанного в тот самый кабинет, где ему вчера предъявили ордер на арест. Теперь, кроме советника, там присутствовал семейный адвокат Феликса Саенко. Окрыленный надеждой, бизнесмен кинулся радостно обнимать законника, но объятия юриста были вялы.

– Леонид Аркадьевич, что происходит? Прилетел, выхожу из аэропорта, меня задерживают и привозят сюда. Здесь мне предъявляют обвинения в контрабанде наркотиков. Показывают ордер на арест. Говорят, что уже состоялся суд, санкционировавший этот арест. Пришлось провести ночь в какой-то вонючей конуре. Вы решили вопрос с моим освобождением?

– Уважаемый Феликс Сергеевич! Все гораздо сложнее, чем вам кажется. У вас дома в присутствии управляющего и понятых произведен обыск, в ходе которого было изъято еще два килограмма кокаина. Меня как вашего адвоката пригласили присутствовать. И, увы, я вынужден подтвердить, что процессуально все выполнено правильно. Основания для вашего задержания налицо. Апелляцию по поводу вашего задержания я подал, но получил отказ. В освобождении под залог суд нам тоже отказал. Увы, сейчас вас отвезут в следственный изолятор временного содержания. Крепитесь, Феликс Сергеевич. Ваша супруга на телефонные звонки не отвечает. Ордер на ее арест, как на вашего сообщника, тоже выписан. Лично я считаю, что вы невиновны, и подключу лучших адвокатов. Мы вас освободим.

– Гражданин Саенко! Сейчас за вами приедет конвой. У вас есть просьбы?

– Да, отведите меня в туалет. Мочевой пузырь разрывается. Да и голова тоже...

Через двадцать минут зашел конвой, расписался в получении Феликса, как экспедиторы расписываются на базе при получении скоропортящегося товара. Мяса! По сути, он и является для них мясом.

– Лицом к стене! Руки поднять!

Его обыскали, вывели из здания и загрузили в «воронок». А ведь совсем недавно он катался в других машинах...

Феликсу вспомнился май, солнце, девушки в коротких юбочках, цветущие вишни и он на только что привезенной с Женевского автосалона первой в СНГ «Ауди R8». От ударов восьмицилиндрового двигателя, вобравшего в себя табун жеребцов, мурашки по коже. Скорость всего шестьдесят километров, обороты двигателя 1600, звук низкий, как урчание очень большой кошки.

Все взгляды нацелены исключительно на машину. Детвора дергает за руки и рукава родителей, тыча в спорткар пальцами. Тинэйджеры снимают мобилками. Девушки улыбаются, а парни уважительно поднимают вверх указательный палец.

Мурлыча в такт двигателю, он даже сочинил стишок:

*Мчит машина меня в себе,
Правой ногою газ вжимаю...
Мощь ее разрывает извне,
И безумцем меня называют.*

*Голову вертит и стар, и млад:
– За четыре секунды до сотни!
Кто кулак поднимает – гад!
Кто-то тьявкает из подворотни.*

*Тот, кто вечно судьбой гоним,
Злобен к тем, кто его успешней.
Свои беды напоит в дым,
Убегая от жизни прежней.*

*Нет рецепта успех поймать...
Видно, так захотел Всевышний:
Кто-то еле найдет пожрать,
А для кого-то всегда стол пышный.*

И вот он в «воронке».

– Офигеть! Ничего себе метаморфозы! – вырвалось у Феликса.

В фургоне машины, вмещающей двенадцать человек, находилось около двадцати. Ему досталось стоячее место. Почему-то большинство людей смеется, а у него на душе паскудно. Страх нет. Вернее, он был всегда, но приглушенный ощущением, что с ним беды не случится. Увы, случилось. Видать, где-то допустил оплошность. Прогневал судьбу своим счастьем. А ведь говорила бабушка, что в России человек, живущий в счастье, наполовину глуп, а на другую половину – блаженный, потому что страха не имеет.

Пока доехали в СИЗО, насобирали по районным управлениям полиции еще двадцать арестантов.

– Выходить по одному! – скомандовал конвой.

– Саенко! Статья! Год рождения! Отвечать четко! В глаза не смотреть!

– 1966, статья 228, часть третья.

– Руки за спину! За мной!

Они шли по гулкому коридору. Сквозь железные двери камер слышался голос тюрьмы. Феликс чувствовал взгляды местных жителей.

«Попутчики из «воронка» говорили, что живут в тюрьме второй год, а суда еще не было, и когда будет, неизвестно, – подумал Феликс. – А у меня сегодня первый день. Что меня ждет? Не знаю. Но в плохое верить не хочется».

– Лицом к стене! – скомандовал надзиратель и открыл дверь в камеру. – Отойти от двери! Всем встать! Принимайте новенького!

Все змеи в лесу выползают из одного болота

В нос ударил запах фекалий, хлорки, невымытых тел, табака и безнадёги. Впервые Феликс почувствовал, что эмоции могут иметь запах! Несло загнанной в угол и опрокинутой на спину, скулящей бездомной дворнягой, в которую ради потехи швыряют камни. Невыносимо, до рвотных судорог, смердело разложившейся плотью, вернее не плотью, а падшей душой, ползущей на коленях в преисподнюю. Смердело утробным страхом жертвы перед хищником... Дверь закрылась.

В камере размером три на четыре находилось восемь нар, стоящих в два ряда. Человек двадцать усталились на вошедшего.

– Ну, мил человек, представься народу, что за зверя к нам, сидельцам, занесло? Что натворил? За что государеву власть на себя натравил? – спросил разукрашенный наколками крепыш, сидевший за столом и попивающий из железной кружки чифирь.

– Саенко Феликс. Бизнесмен. Не знаю, за что меня посадили. Обвиняют в организации торговли наркотиками. Но я этого не делал!

– А здесь никто не делал того, за что закрыт, – хохотнул здоровяк лет тридцати пяти. – Меня вот следак спрашивает: «Сколько ты теток ограбил и убил?» А я, как и ты, говорю: «Начальник, не знаю ничего и про грабеж только в фильмах видел». Но не верит мне следак. Уже третий год не верит.

– Глыба, да ты посмотри на этого полупокера. Белый хлеб нам голодным! – отозвался худощавый, вставая из-за стола. – Ты пошто, барыга, народ травишь наркотой? Мало, что ли бабла срубил на бизнесе? Решил еще на герыче погреться? А ты знаешь, что у меня от него дочка сгорела за год? – худощавый, растопырив пальцы, вплотную приблизился к Феликсу.

– Краб, охолонь! Я тасую! Мы его на чифирь не зовем и в десны лобызать не будем! Тока и не суд мы ему! – вмешался другой, явно местный авторитет. – Если есть конкретная предъява этому барину – предъявляй. А пока пусть проходит в наш дом. Приглядимся к нему... Погоняло есть?

– Что?

– Имя твое?

– Феликс.

– Теперь тебя Баринoм звать будут. Пока...

– Я устал. Мне бы отдохнуть, – как можно мягче произнес новенький.

– С этим, Барин, у нас тяжело. Отдыхаем по очереди. Вон сядь в уголку. Твоя шконка, по-твоему, кровать, верхняя. Это дальняк – на воле туалет. Но в него не ходи, пока народ ест.

– Закурить найдется? – осмелев, спросил Саенко.

– Родня-то есть? Кто тебя греть будет? – вопросом на вопрос ответил кто-то из старожилoв.

– Родители умерли. Жену тоже обвиняют. В бегах она. Завтра адвокат придет. Скажу ему, что надо принести.

– Ну на, покури.

– И поесть бы. Сутки не ел...

– Жди обеда. Через три часа принесут. А пока у тебя ни родины, ни флага. Тебе сейчас дам чифирь-

бак, кружку по-твоему. И весло. Это ложка. Вот твой телевизор, то бишь, полка. И помелом меньше трудись. Слово сказал, обоснуй. Не можешь – держи «хлеборезку» закрытой. И помни, здесь есть хаты правильные, как наша, где живут по понятиям. А есть шерстяные, там «шерсть» сидит, которые у нас вне закона. А есть пресс-хаты. Туда лучше не попадать. Тебя сразу начнут на что-то подлаживать... грузить будут на деньги... Про них такие прогоны среди каторжан ходят – возьми и убей, проще будет. А не то сгнобят. Здесь такая хата № 11. Много на них крови братвы. Но «башню» не вешай. И в тюрьме люди живут.

Арестант огляделся и понял, почему в камере так холодно. В окнах не было стекол. Решетки просто затянули полиэтиленом. Феликс попил воды из крана, постелил на пол пальто ценой в три тысячи долларов, уселся на него и мигом задремал.

– Саенко Феликс Сергеевич! С вещами на выход! – оборвал его короткий сон голос надзирателя.

«В камере пробыл меньше часа. Может, машина правосудия нашла настоящего преступника? Или адвокат договорился про залог и меня отпускают?» – мелькнула мысль.

Снова шли по коридору. Шаги ударялись о стены и возвращались обратно с гулким эхом от дальнего конца. По мере движения они стали раздваиваться, превращаясь в подобие барабанной дроби...

Багаж вечных ценностей большинства есть сумма их сиюминутных интересов

Эти звуки Феликсу запомнились навсегда. В тот день изменилась вся его жизнь.

...Он шагaл по широкой мраморной лестнице, с которой убрали ковер, по-видимому, для замены. Гулкие звуки шагов отражались от потолка, уходящего ввысь, и возвращались эхом, повторяя ритм его шагов. Казалось, кто-то играл соло на барабaне. Барабaнная дробь прервалась, как только он остановился перед дверью кабинета управляющего «Россоцбанка».

– Мне назначено, моя фамилия Саенко, – представился милой девушке-секретарю, и после ее звонка начальству получил разрешение войти.

– Проходите поближе, – пригласил хозяин кабинета, как только Феликс открыл дверь. Возраст мужчины скрывала полнота. На лице ни одной морщинки. Если бы не седина, а мог бы и подкрашивать волосы, больше пятидесяти не дать. Но Феликс знал, что мужчина старше лет на пятнадцать. Волевое лицо выдавало в нем человека, точно знающего, чего он хочет. И высокий лоб, и пропорциональный нос, и рот, и даже уши, не увеличившиеся с возрастом, были безукоризненны. Но этот строгий портрет портил второй подбородок, прикрывающий собой не только ворот рубашки, но и узел галстука. Все вышеописанное обернуто в идеальный костюм с золотым значком на лацкане, указывающим на принадлежность к какой-то партии.

– Орест Минович, мы с вами третий год сотрудничаем. За это время вы могли убедиться в моей порядочности и адекватности. У меня появилась возможность осуществлять крупные финансовые потоки через ваш банк. Какими суточными оборотами наличности вы располагаете? – своим последним вопросом гость просто шокировал хозяина кабинета.

Банкир, обеспечивающий наличными деньгами всех госслужащих, учителей, медиков и пенсионеров целого района с населением в полмиллиона человек, не смог справиться с удивлением и закашлялся.

– Молодой человек, что-то мне не по себе. Давайте пройдем в зимний сад, на свежий воздух, – и он нажал кнопку на столе, справа от массивной золотой пепельницы, вершины ювелирного искусства. Эдакое птичье гнездышко из золота с полкило весом, покоящееся на веточке-рогатине из старого серебра. На одном из отростков веточки имелось ложе для поддержки сигареты. В гнездышке красовалось три бирюзовых яичка с гранатовыми крапинками. Орест Минович никогда не курил, но очень любил подобные «безделушки».

Карта России величиной в полстены сложилась гармошкой, освободив широкий проход в коридор. Финансист пропустил Феликса вперед. Карта дверь вернулась в прежнее положение.

Вновь шаги по коридору и снова барабанная дробь, под которую Феликс оказался в зимнем саду, вернее, в сказке.

Сад размером с футбольное поле наполнял летний, свежий воздух. Система климатического контроля работала безукоризненно. На высоченных окнах ни капельки конденсата. Муниципальный ботанический сад в сравнении с этим выглядел бедно. Привыкшие к людям волнистые попугайчики смело усаживались на плечи и снова улетали в гущу листвы. В ручьях, протекавших замысловатыми лабиринтами сквозь гроты, плавала разноцветная рыбешка. Над цветами кружились пчелы. Это же надо! На улице минус двадцать четыре, а здесь пчелы!..

Орест Минович пригласил гостя присесть за мраморный столик на скамью из того же розового мрамора. Чуть поодаль, возле ручейка, стекавшего из расщелины в большом камне, Феликс увидел две статуи из белого паросского мрамора. Одна девушка придерживала кувшин, стоящий на плече, вторая набирала воду из ручья. Их тела прикрывали полупрозрачные туники, подчеркивающие юную красоту и грациозность.

– Вы еще помните, зачем пришли? – спросил банкир.

– Извините, увлекся. Такая красота... Вы мне никогда ее не показывали. Даже не подозревал о том, что у вас есть такое.

– Так и вы раньше мне не делали предложений, подобных сегодняшнему.

– Тогда повторю вопрос. Каков у вас суточный оборот наличности?

– Для чего вам такая информация? – поинтересовался финансист. – И если вы узнаете, то будете ли способны ее переварить. Не говоря о деньгах, которыми располагаю.

– Я вас хорошо понимаю. Кроме того, помню ваш совет: не кушать больше, чем смогу переварить.

– Хорошо. Слушайте. Через мой банк в день проходит пятьсот миллионов рублей.

– Это около десяти миллиардов в месяц?

– Очень точно подметили, молодой человек. И зачем вам столько? – улыбаясь, поинтересовался Орест Минович.

– Мне лично, как и вам, столько не надо. А вот некоторая часть от этой суммы была бы не лишней, – также улыбаясь, удовлетворил его любопытство молодой бизнесмен.

Чуть поодаль, возле ручейка, стекавшего из расщелины в большом камне, Феликс увидел две статуи из белого паросского мрамора.

– Обрисуйте вкратце трансферт...

– Несколько крупных государственных промышленных предприятий получают госкредит под выпуск своей продукции в последующем году. Деньги целевые – на закупку сырья. Моя компания «ООО Промснаб» имеет опыт и берется полностью обеспечить эти предприятия сырьем в следующем году. Переговоры между заинтересованными сторонами состоялись. Всех все устраивает. Дело за малым – учесть мой и ваш интерес, – Феликс закончил свое выступление театральной паузой.

– Продолжайте мысль, – как бы подгонял его банкир, явно заинтересовавшись.

– Кредитные деньги госпредприятий поступают в обслуживающий их банк «Проминвест». По контрактам поставки сырья между моей фирмой и госпредприятиями деньги из «Проминвеста» перетекают на мои счета в вашем банке. Далее я получаю эти средства в виде наличных денег под липовые контракты закупки сельскохозяйственной продукции первичной переработки. Вам, конечно, известна эта единственно законная схема обналичивания средств?

– Как и на чем вы собираетесь заработать?

– Орест Минович, прежде чем услышите ответ, мне необходимо услышать вашу цену, при условии пятьсот миллионов в день на протяжении двух месяцев.

– Это как? Мне придется не выдавать деньги на зарплату госслужащим?

– А разве вас не устроит полпроцента? Это сто миллионов рублей за два месяца! Таких «полянок» штук десять сможете построить. И не здесь.

Старый банкир почувствовал фарт.

– Значит, и пенсионеры... А как же полиция, прокуратура?

– Орест Минович, для них предлагаю еще такую же сумму. Но это ваша задача. И вот что важно, вы впускаете мои мини-автобусы в свои хранилища после завершения работы персонала. На охрану в это время ставите моих людей. Ведь по всем правилам оформления расходных документов к вечеру в хранилищах будут не ваши, а мои деньги?

– Вы мне всегда нравились. Помню, как, увидев вас, сразу подумал: далеко пойдет...

– Ваша доля в девятом мешке. Вами же подсчитанная и вами же туда сложенная.

Банкир заерзал на стуле, подсчитывая в уме барыши.

– Я жду вашего ответа, – торопил финансиста Саенко, понимая, что тот более чем заинтересован. – Не хочу показаться наглцом, но должен напомнить, что во «Внешэкономбанке» меня тоже хорошо знают.

– Согласен, – ответил Орест Минович. – Но вы обещали рассказать, как собираетесь заработать деньги?

– Через два месяца продам наличные вам же под десять процентов.

– А с чего вы решили, что мой банк будет покупать наличные?

– Не вы, – пенсионеры, госслужащие и бизнесмены, оставшиеся без налички вообще. Кольцо замкнется. Денег наличных на некоторое время не станет – почти коллапс. Вы, главное, выполняйте наше соглашение. Ведь ваши бумаги будут в полном порядке.

На лице банкира застыл немой вопрос: «А почему я не запросил один процент?»

О том, какой сложный путь пройдут деньги в период галопирующей инфляции, несколько раз превращаясь в твердую и деревянную валюту, Феликс не считал нужным сейчас говорить.

Уходя вглубь себя,
все больше открываешься снаружи...

– Стоять! – окрик надзирателя развеял туман воспоминаний и прервал звуки барабанной дроби. – Лицом к стене! Теперь это твоя камера.

На двери масляной краской была написана цифра 11.

«А есть пресс-хаты. Туда лучше не попадать. Стнобят. Здесь такая хата под № 11. Много на них крови братвы, – звучали в голове слова Глыбы, и сердце упало в пятки. – Но я не братва, а честный человек! Меня не за что прессовать. Сейчас им все объясню. Ведь и здесь люди живут...» – пытался успокоить себя Феликс, стоя перед дверью с двумя «костылями».

Камера мало чем отличалась от прежней. Та же обстановка, но людей меньше. Четверо сидели на шконках, двое за столом играли в нарды. На вошедшего никто не обратил внимания, и он мялся у двери, не зная, что делать дальше. Вдруг из-под шконки вылез паренек с намалеванными губами и стал пытаться обнять и поцеловать новенького в лицо, но тот оттолкнул его. Парень упал на игроков в нарды.

– Ты че, сучок гнутый? – завопил один из них. – Пошто нашу бабу обижаешь? Она к тебе подошла гостеприимство показать, а ты ее бьешь! Ты, баклан, совсем не вежливый. Не успел прийти в хату, а беспределишь!